

ИВАН ЛУКИН

Мой отец, Лукин Иван Петрович, вернулся с Великой Отечественной живым и здоровым. Его внук, мой сын Лукин Иван Борисович, – погиб в Мариуполе в борьбе с нацизмом. Пишу накануне сороковин, которые пришлось на Пасху...

На долю Ивана выпала непростая судьба. Ранняя смерть мамы не могла пройти даром для творчески одарённого человека. Эту первую серьёзную боль он выплеснул в рассказе «Письмо», который собирался экранизировать после возвращения со службы по контракту в морской пехоте. Теперь можно уже говорить, что он предчувствовал, что жизнь окажется короткой. Вот и жил на всю катушку на любом избранном направлении, будь то профессиональный спорт, музыка, театр, кино, литература... армия.

И уход из Литературного института им. А.М. Горького в академический отпуск – попытка перезагрузки, как сейчас принято говорить. Он понимал, что очень многое совершенно и достигнуто, но для следующего этапа необходим жизненный опыт другой наполненности и ответственности. Иван выбрал армию. А позже – участие в Специальной операции на Украине, хотя, как и у каждого из нас, у него тоже был выбор. Мы долго говорили с ним об этом в те военные дни. Он сказал коротко, но чётко: «Как я потом буду ребятам в глаза смотреть, если откажусь?»

Я встречался с его двадцатилетними однополчанами, для меня совсем мальчиками... если бы не их глаза, в которых совсем не подростковая серьёзность и опыт пережитого...

Об этом Иван записал в дневнике:

*И, копаясь в грязи, мы курим
Сигареты «Космос».
Мы смотрим на звёзды,
Но уже не мечтаем...
Мы – взрослые.*

Весь февраль он записывал в свои дневники отрывки стихов, сюжеты будущих рассказов, мысли о фильмах. Некоторые не давали ему покоя неделями, так было со строчками «Закат растёкся по горизонту ядерным взрывом...».

Он прекрасно знал, что слова сбываются, потому всегда очень осторожно заносил на бумагу стихи. И когда теперь я разбираю его архив, то становится понятна глубина осмысления им своей жизни. Поэтому и появляются у него такие строки: «Этот путь мне завещан Богом. Этот путь созидает меня...»

Больно и страшно читать: «Памятник мне через 10 лет поставят», зная, что тело его так и не найдено. Даже представить не могу, что он прав и тут...

В последнем сообщении было несколько слов и фотография мартовского рассвета.

«Доброе морозное утро. Подъезжаем. Котёл готовим. К ужину».

Это было ещё не утро его гибели, а день захода в Мариуполь подразделения морской пехоты. Они возвращались на фронт после переформирования. Они уже по опыту знали, что бои будут трудными. Уходили Побеждать. И Победили.

ИВАН БОРИСОВИЧ ЛУКИН (СОЛОВЕЙ)

* * *

Рисовал на стенах мелом
(как всегда, таким же древним)
всё, что знаю чёрное.
Получалось – белое.

Рисовал на стенах углем
(как всегда, таким же хрупким)
всё, что знаю белое.
Получалось – чёрное.

Я бы мел сменил на уголь,
но меня поставят в угол.
Говорят: «Так правильно!»
Значит, я – неправильный.

* * *

Я умру, не будет плакать мама,
нет её давно на этом свете.
За глаза слова чужие, рваные, –
пронесутся над могилой сплетни.

Я умру, за сердце папа схватится:
«Не жалея, не плачь, уже не надо».
Памятник не ставьте: по карману ли?
Да и смысл – креста мне, что ли, мало...

Ну к кому пойти мне? Кто же, кто же?
Кто поймёт и не прогонит прочь?
Говорят: «Всё от безделья, на работу бы...»
Но не видел я безделья до сих пор...

Я умру.
Не знаю как... Бог не решил пока.
До свидания, друзья. Встречай же, мама, —
Обниму тебя... Пропал в котлах
твой единственный на вечном свете мальчик.

* * *

Чувствую каждую клеточку тела.
Чувствую, в пальце колется вена.
Чувствую, что скоро начнётся Война,
Не моя ли она?
И я продолжаю смотреть и чувствовать,
как каждая капля дождя,
ветром складываемая в горизонтальный реки поток,
попадая в меня,
мгновенно
обращает в свой водоворот.
Я мокрый насквозь бреду,
точнее, скольжу по грязи в одних тапочках.
Слякоть липнет к ногам; небо тучится.
Холод людей мучает и сам оттого мучается.
Но усталость забывается в пальцах скручивающих,
ведь я чувствую тебя сквозь километры,
и дым в лёгких,
ускользающий вместе с секундой прошедшего дня,
тоже чувствую.
Я чувствую...
Я живой...
Грязь отёрта. Вода скоро высохнет.
И я чувствую! Чувствую! Истинно!

* * *

Закат растёкся по горизонту ядерным взрывом.
Пролил суп в бэтээре; лучше бы он был керосином.
Снова вытащил себя за волосы из трясины.
Я должен постоянно быть сильным.

И кажется, эта миссия невыполнима,
но я обязан остаться живым и красивым.
...Хотя бы остаться живым,
чтобы остались силы
добраться до дома,
который освещён ядерным взрывом.

На земле, смешанной с порохом,
не видно травы,
только грязь, только поросль
мелких капель зимы.
По зиме тянет красная, неясная синь –
то расплакались пули и осколки мин.
А война так беспомощна...
И безжалостно кровь
убегает из гордых, непокорных голов.
Будет страхом смеяться
этот страшный удел.
Где бы ни был – не прятался
в протяжении вен...

ОТЕЦ... СОЛДАТА

Говорят, «глаза на мокром месте»..
Про себя такого не скажу.
Плакал в жизни я пока от смерти.
...Жуть.
Помню маму, как она встречала
(так она встречала лишь меня):
обнимала, плакала, молчала.
Слов сквозь слёзы вымолвить нельзя.
Видел на экранах 45-й.
Возвращенье выживших солдат...
Там смеются, плачут все и сразу.
И казалось, мне их не понять...
Разве может кто из нас разведать,
выспросить у ангелов своих,
что нас ждёт ещё на этом свете?
Знать об этом свыше сил моих.
Час настал. Из мирной жизни нашей
на войну отправился сынок.
Он могучий, умный... Нету краше...
Стоп, дыханье. Нету слов для строк.
Нету слов, звонков и эсэмэсок.
Недоступен. Быть не смог в Сети.
Где тот фронт? Каховка мне известна...
Киев? Мать Божья, помоги!
День за днём молчанье... Но известья
заполняют мрачностью эфир.
Бреешься... А взгляд тяжёл, невесел.
Надо жить, а не приемлешь мир.
Тишина... Последний день февральский.
Птица тренькает секре-секре-скорей.

Не расслышал. «Знаю, волновались.
Хорошо всё. Ждите...»...как во сне...
Непонятно сразу, что такое.
Сын прислал почтовых голубей!
Слёзы... Боже... Это же не горе!
Слёзы и рыданье... Это – Свет.
Так впервые радость встретил в мире
я слезой глубинной, неземной.
Ты, война, во всём одна повинна.
И ещё – любовь.

04.03.2022

* * *

Что со мной? Со мною всё в порядке:
Жду вестей от сына... Фронтовых.
Я теперь отец солдата... Правда,
не мечтал о буднях таких.
В храме знают все, что ты на фронте.
Молимся соборно за тебя.
За твоих друзей морпехов в роте.
Только вот известий нет опять.
День за днём. Неделя за неделей.
Поскорей б зачистке той финал.
Сводки... Сводки... Верю и не верю.
Лучше б этих будней я не знал.
Во дворе, смотрю, скворец хлопочет –
Мир Господень не приемлет смерть.
Мирные в столице дни и ночи.
А у вас минуты мирной нет.
Перечислю всех я поимённо...
Только вот молитвы две теперь:
Во святом почивших чине воинов...
И за здравие – богатырей.

* * *

Северные метели «буль... буль» –
тают, не дойдя до земли.
Я прошу февраль: «Будь! Будь!» –
все календари замети,
чтобы не кончалась зима,
не было войны и смертей,
самому себе чтоб не врать –
утверди мя, сын, в словесех:
расскажу про твой Мариуполь –
город, где пожить – хорошо...
да и в бою не грешно
в 23 умирать от двух пуль.